

«ИСТОРИЯ ИОСИФА О РАЗОРЕНИИ РУССКОМ» —
ЛЕТОПИСНЫЙ ИСТОЧНИК В. Н. ТАТИЩЕВА

Изучению творческого наследия В. Н. Татищева, столь успешно начатому в советской историографии, во многом способствует критическое издание его знаменитой «Истории Российской», впервые в полном объеме осуществленное под редакцией А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова.¹

Важно выяснить, какими летописными источниками располагал В. Н. Татищев и как ими пользовался. Это тем более необходимо, что некоторые из них не сохранились.² Среди редкостных рукописей, утраченных впоследствии, в руках В. Н. Татищева была летопись о «смуте» — «История Иосифа о разорении русском», приобретенная им в последние годы жизни. Эту Историю он, знакомый с «Новым летописцем», «Сказанием Авраамия Палицына», сочинениями иностранцев, сравнивал в письме к Шумахеру с «сокровищем» и хотел непременно напечатать, чтобы сделать достоянием всех историков.³ Мечте В. Н. Татищева не суждено было сбыться: драгоценная летопись сгорела после смерти историка в его имении, с. Грибаново. Однако в сочинениях В. Н. Татищева сохранились ссылки на Историю Иосифа (которую он иногда склонен был ошибочно приписывать патриарху Иову), позволяющие судить о ее содержании и ее авторе.

Сведения о самом летописце исключительно скудны. Известно только, что он был келейником патриарха Иова, но и это скудное свидетельство говорит о многом.

Находясь в патриаршем окружении, пользуясь доверием Иова, живя в Москве в Чудове монастыре, он получал огромную информацию самого различного рода, стекавшуюся сюда со всей страны, подчас существенно отличную от официальной. Одни события он наблюдал собственными глазами, о других слышал из уст непосредственных участников или очевидцев. Наконец, ему были доступны богатейшая патриаршая библиотека, где хранились материалы митрополичьего летописания предшествующего времени, житийная литература, послания современников. Иосиф оставался при Иове лишь до 1605 г. В Старицу вместе с официальным патриархом-самозванцем он сослан не был. В Успенском Старицком монастыре, где Иов доживал свои дни, судя по записям в описной книге этого монастыря 1607 г., у него был другой келейник — Афанасий Клементьев.⁴ Иосиф же, попав, очевидно,

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I—VII. М.—Л., 1962—1968.

² Б. А. Рыбаков. 1) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 341; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, стр. 186.

³ Материалы для истории Академии наук, т. VII. СПб., 1895, стр. 492.

⁴ Тверская старина, 1911, № 1, стр. 46; № 3, стр. 26—27.

позднее в окружение патриарха Гермогена, продолжал заниматься летописанием, опять же в Москве, в центре того общественного урагана, известного под именем «смуты», который бушевал тогда в России.

Первая попытка определить в общих чертах содержание Истории Иосифа по сохранившимся в сочинениях В. Н. Татищева прямым ссылкам на нее была предпринята нами в статье «Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени». Мы основывались тогда на десяти прямых ссылках на Иосифа или Иова.⁵ Обратим внимание на парадоксальный факт. Ссылки на Иосифа или Иова, общим числом до 14, присутствуют в I и II частях «Истории Российской», в комментариях к Судебнику 1550 г. и дополнительных статьях к нему, в критических замечаниях на «Историю Сибири» Г. Ф. Миллера, наконец, в переписке В. Н. Татищева, охватывая время с 60-х годов XVI в. по 1613 г.,⁶ между тем как в подготовительных материалах к IV книге «Истории Российской», где речь должна была идти специально о событиях «смуты» и ее предыстории, ни одной такой ссылки нет.

Что же В. Н. Татищев, готовя IV книгу «Истории Российской», так и не воспользовался богатейшими материалами летописи Иосифа или дело обстояло не так? И если верно последнее, то где же в его рукописном наследии сохранились следы работы над Историей Иосифа?

Для ответа на эти вопросы обратимся к Выписке, опубликованной в VI томе «Истории Российской», полное заглавие которой «Выписка из истории с начала царства царя Феодора Иоанновича по русскому исчислению от сотворения мира 7090, а от Христа 1582-го года, писанная в середине царства царя Алексея Михайловича, и к тому нечто из других присовокуплено». С. Н. Валк справедливо отметил, что в ней «Татищев вел свое изложение, основываясь только на русских источниках».⁷ И действительно, единственное исключение составляет лишь глухая ссылка на де-Ту (ИР, VI, стр. 292). В остальном же В. Н. Татищев пользуется в Выписке русскими материалами, обратившись к сочинениям иностранцев позднее, на следующем этапе работы. В основу Выписки был положен Новый летописец, доведенный до «середины царства царя Алексея Михайловича», т. е. до начала 60-х годов XVII в. Но, помимо Нового летописца, при составлении Выписки В. Н. Татищевым было «к тому нечто из других присовокуплено», т. е. привлечены какие-то другие русские источники. Свой отход от Нового летописца В. Н. Татищев

⁵ В. И. Корецкий. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 286—289.

⁶ Там же, стр. 284—289; В. Н. Татищев. История Российская, т. VII, стр. 311, 334, 389.

⁷ С. Н. Валк. О рукописях четвертой части «Истории Российской» В. Н. Татищева. В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. VI, М.—Л., 1966, стр. 17.

в ряде случаев оговаривает замечаниями: «некоторые сказывают» (ИР, VI, стр. 287), «другие сказывают» (стр. 289), «Повествует един историк русской тако» (стр. 290). Иногда сложный состав Выписки предстает через контраверзы: «Некоторые повествуют о сем Петре Басманове тако» — «Другие же сказуют» (стр. 293); «Некоторые сказывают» — «Другие», «иные» (стр. 298, 308).

Попробуем сопоставить эти глухие указания Выписки на использованные в ней материалы, пополняющие, а в чем-то даже противостоящие известиям Нового летописца, со всей совокупностью прямых ссылок на Историю Иосифа, содержащихся в других сочинениях В. Н. Татищева. В этой связи привлекает внимание рассказ Выписки о смерти датского королевича Иоганна, жениха Ксении, в начале которого В. Н. Татищев делает ссылку на имевшийся у него какой-то новый источник — «Повествует един историк русской тако» (стр. 290). Следует отметить, что В. Н. Татищев прибегает к этому источнику, хотя выше уже изложил по Новому летописцу печальную историю королевича. Сравним его с соответствующим известием Нового летописца, чтобы понять, почему В. Н. Татищев считал нужным воспользоваться другим источником и что же представляло собой сочинение «историка русского», которому он отдал здесь явное предпочтение.

Новый летописец

Людые ж вси Московского государства видяху прироченного государского сына, любяху его зело всею землею. Доиде же до царя Бориса, что его любят всею землею. Он же яростию наполнил и зависти и начаше тово, что по смерти моей не посадят сына моего на царство, начат королевича не любить и не пощади дочери своей и повеле Семену Годунову, как бы над ним промыслити. Той же боярин Семен Годунов, не бояся праведного суда Божия, начат он окаянный удумывати. Королевич же впаде в болезнь и присла по дохтуров. Дохтуры же быша у тово боярина Семена в приказе. Он же их посылаше. Дохтуры ж ево смотриша и, пришед, возвестиша Семену, яко можно ему пособити. Он же на них свирепым оком зряще и ничево к ним не проглаголаше. Они же то провидяху, яко негодно бысть. Королевич же и умре не крестом. Царь же Борис повеле его погresti по их вере, и погребоша его в слободе в Кукуе у ропаты Немецкой; ево же повеле провожати до ропаты и погresti бояром и столником и всяких чи-

Выписка Татищева

Повествует един историк русской тако. 7110 (1602) году царь Борис, видя великую всего народа к королевичу любовь, зельную зависть, или паче страх, возымел, дабы люди по смерти его, вспомянув тиранские его дела, что государей своих фамилию и по них все знатные роды искоренил, мимо сына его сего королевича не обрали, приказал племяннику своему Семену Годунову како бы его умертвити. Сие уведав или дознався, царяца, жена его, яко же и дочь, со слезами просили его, ежели ему он неугоден, отпустил бы его домой; но он отпустить паче опасался. По котором вскоре королевич тяжело (вместо зачеркнутого «с того», — В. К.) заболел. Семен же опой призвал доктора государева, которой лечить был приставлен, спросил, каков королевич. И он возвестил, что можно вылечить. Семен же Годунов, возрев яко лев свирепый на него и ничего не сказав, вышел воп. Доктор же и лекарь, видя, еже оная весть не угодна есть, лечить не хотели. И тако королевич, оной тоя ноци октября 22 числа в 19 год возраста своего умре и погребен

нов людям. Бояр же королевичевых и всех его людей отпустил в свою землю (стр. 56—57).
О том же Гришке Отрепьева, како весть приде из Литвы, и о мору в Смоленске.

в Немецкой слободе. Люди же его отпущены в Дацкую землю. На погребении его были все бояре и знатные люди, при котором многие слез удержать не могли. Но сие их злодействие всевышний бог не хотя оставить без наказания иако паче же очевидно мзду оную или паче меч на главы Годуновых того же дня показал. По погребении бо королевича приде Семен Годунов из Слободы, яко с радостною вестью, и нечаянно видя одного из Польши приехавшаго с письмами, приняв, пошел к царю Борису и перво возвестил ему о погребении. Потом же, распечатав письма оные, увидел во оном (далее зачеркнуто «от бога посланную на них казнь», — В. К.), что явился человек, который называется царевичем Димитрием.

Сопоставление текстов показывает, что В. Н. Татищев предпочел сочинение «одного гисторика русского», которого имел в оригинале, по той простой причине, что составитель Нового летописца черпал из того же источника. И В. Н. Татищев, и его предшественники сокращали общий источник, но каждый по-своему. Наблюдения над текстом позволяют представить работу того и другого. Составитель Нового летописца сохраняет такие детали, как сообщение о нахождении государевых докторов в подчинении у Семса Годунова, о том, что «королевич же и умре некрещон» и по приказанию Бориса был погребен «по их мере», опущенные Татищевым. Согласно ему, королевича погребли «в слободе в Кукуе у палаты Немецкой», тогда как в Выписке сокращено — «погребен в Немецкой слободе». Вместо присутствовавших на погребении «бояр, стольников и всяких чинов людей» (НЛ) у Татищева фигурируют «бояре и знатные люди» (курсив мой, — В. К.). Можно привести и другие случаи осовременивания древнего текста историком XVIII в.: «тирапские его (Бориса Годунова, — В. К.) дела», «государей своих фамилию» (курсив мой, — В. К.); «приказал» вместо «повеле», «ведомость» вместо «весть» и т. д.

Таким образом, составитель Нового летописца довольно близок к языку и образу мыслей своего источника, а В. Н. Татищев передает текст своими словами и не очень-то склонен считаться с религиозным мировоззрением «гисторика русского».

Но В. Н. Татищев привел в Выписке в своем изложении такие известия «гисторика русского», опущенные составителем Нового летописца, которые позволяют лучше представить мотивы действий Бориса Годунова. Борис, оказывается, боялся, что после его смерти русские люди, «вспомняув», что он «государей своих фамилию и по них все знатные роды искоренил», могут вместо

его сына избрать на царство датского королевича, мужа Ксении. Сохранено у него указание источника на то, что Семен Годунов приходился Борису племянником; отмечены реакция жены и дочери Бориса Годунова на его намерение отделаться от королевича: «Сие проведав или дознав, царица, жена его, яко же и дочь, со слезами просили его, ежели ему он неугоден, отпустил бы его домой; по он отпустить паче опасался». В Новом летописце это известие предельно сокращено: «не пощади дочери своей». О заступничестве жены царя и Ксении не сказано ни слова. Опущено и указание на причину, заставившую Бориса отклонить их просьбы. Только у Татищева читаются такие подробности, как возраст умершего и что при его погребении «многие (из присутствовавших бояр и других знатных лиц, — В. К.) слезы удержать не могли».

Приведенная В. Н. Татищевым дата смерти королевича — 22 октября — неверная, отсутствует в Новом летописце, составитель которого вообще был довольно равнодушен к хронологии.

Но наибольший интерес в Выписке представляет продолжение рассказа «историка русского», оборванное составителем Нового летописца, об одновременном получении царем известий о погребении королевича и появлении в Польше самозванца, дающее ключ к разгадке, ибо совпадает с прямой ссылкой на Историю Иосифа в примечании Татищева к указу 1601 г. о крестьянском выходе. Вот этот текст: «Сей закон о вольности по-прежнему крестьян учинил он противо преждево своего разсуждения и определения о крестьянех и сусче в то время, как он о Лжедмитрии Отрепьеве ведомость получил (курсив мой, — В. К.). Тогда, будучи в превеликой робости, надеялся чрез сие вельможам и архиереям угодить, но вскоре, услыша больше в пароде роптания, принужден переменить и не токмо крестьян, но и холопей певольными учинить, да все не помогло, паче же к большей его гибели, а государственному разорению причиною было. О чем монах Иосиф внятно описал» (курсив мой, — В. К.) (ИР, VII, стр. 382).

Итак, «един историк русской» Выписки оказывается келейником патриарха Иова Иосифом, летопись которого Татищев называл «Историей», высоко ценил и ставил выше всех других сочинений современников о «смуте». В Выписке и в приведенном комментарии Татищева к указу 1601 г. совпадают известия о получении Борисом Годуновым сообщения о появлении в Польше самозванца осенью 1602 г., отсутствующее во всех других русских источниках, кроме летописи Иосифа, на которую Татищев делает в комментарии прямую ссылку («О чем монах Иосиф внятно описал»). Однако об издании Борисом Годуновым в это время указа о частичном разрешении крестьянского выхода в Выписке ничего не говорится: законодательство о крестьянах и холопах и повествование о событиях политической истории у Татищева разъединены и на более позднем этапе работы так же, как это было показано для более раннего времени

С. Н. Валком на примере использования им Русской правды.⁸ В данном случае такое разъединение становится причиной ошибочного отнесения Татищевым в комментарий к указу 1601 г. событий, происшедших осенью 1602 г. Основной текст 4-й части «Истории Российской» и комментарий к Судебнику 1550 г. и дополнительным статьям к нему существуют параллельно. Единственный намек на возможность такого соединения содержится лишь в окончательной редакции Выписки, где в основной текст оказалось включенным известие о намерении Лжедмитрия II вернуть всем «крестьянам и холопам прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял» (курсив мой, — В. К.) (ИР, VI, стр. 320). Но эта попытка слить в едином повествовании факты политической и социальной истории осталась эпизодической и не получила у Татищева развития.

Показание Иосифа об отравлении герцога Семеном Годуновым с благословения царя Бориса получает косвенное подтверждение в Записках И. Массы, который подчеркивает недоброжелательное отношение Семена Годунова к женитьбе Иоганна на Ксении.⁹

Велика осведомленность Иосифа в вопросах религиозных: «королевич же и умре не крещон. Царь же Борис повеле его погresti по их вере, и погребоша его в слободе в Кукуе у ронаты Немецкой». Действительно, наряду с обещанием пожаловать Иоганну Тверское княжество Борис Годунов предоставил ему и всем, кто прибудет с ним, свободу веры (по аугсбургскому вероисповеданию).¹⁰

В рассказе о смерти датского королевича мы сталкиваемся с характерной для Иосифа чертой — глубокой убежденностью в неотвратимости возмездия за совершенные злодеяния. Умерщвление Годуновыми ни в чем не повинного Иоганна становится последней каплей, переполнившей чашу божьего терпения — появляется самозванец.

Попытаемся представить последовательность работы В. Н. Татищева. Уже в черновом варианте Выписки, делавшемся по Новому летописцу, говоря о смерти Иоганна, Татищев принисал, а затем зачеркнул слова: «Сей был сын короля Фридерика II. Умре 19 лет. 1602 октября 28 числа явися казнь божия на царя Бориса, что вдруг получил ведомость о смерти королевича и (о) Ростриге в Польше» (ИР, VI, стр. 376, прим. «И»). Судьба приведенной приписки наводит на мысль, что Татищев, сделав «черновую» Выписку по Новому летописцу, первоначально хотел ее расширить путем приписок из Истории Иосифа, но отказался от этого, зачеркнул приписку и предпринял новую Выписку, где,

⁸ С. Н. Валк. Татищевские списки Русской правды. Материалы по истории СССР, т. V, М., 1957, стр. 610.

⁹ И. М а с с а. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 68, 54, 69.

¹⁰ К. Б у с с о в. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961, ком. 25, стр. 342—343.

следуя Иосифу, подробно рассказал о смерти королевича и появлении самозванца. Однако при этом он перенес в Выписку без изменений текст «черновой» Выписки, повествующей о смерти королевича по Новому летописцу. Такой дубляж — ясное свидетельство механического соединения Татищевым двух источников.

В Выписке, последовавшей за черновой, Татищев привел неверную дату смерти Иоганна — 22 октября (ИР, VI, стр. 290). Достоверность первоначальной даты — 28 октября — подтверждается показаниями И. Массы и «Дневником Акселя Гюльденстерна».¹¹

Мы установили, что рассказ о смерти герцога Иоганна и получении Борисом Годуновым известия о появлении в Польше самозванца изложен Татищевым по летописи Иосифа. Известно начало этого изложения, обозначенное самим Татищевым: «Повествует един историк русской». Но где же оно кончается?

Обращение к «черновой» Выписке, основанной на Новом летописце, обнаруживает отсутствие в ней и последующего повествования о предпринятом Годуновым расследовании для установления личности самозванца, биографии Отрепьева и его похождениях в России и Польше. В Выписке дословное следование «черновой» Выписке возобновляется лишь со слов «Прислал грузинский царь просить помощи...» (ИР, VI, стр. 292). В то же время на всем протяжении этой части Выписки встречаются известия, отсутствующие в Новом летописце и в других источниках. Повествуя о том, как Григорий Отрепьев в Чудове монастыре «с великим прилежаньем учился и в том сверстников своих преуспел», Татищев далее приводит любопытнейшие подробности о давних связях Отрепьевых с Басмановыми: «Отец же его, приезжая, жывал в доме Басмановых, куда и он из монастыря часто прихаживал» (ИР, VI, стр. 290). Относительно монастыря в Муроме, где Григорий получил лошадь, добавлено: «где строителем был приятель деда его» (ИР, VI, стр. 291). Свиток о своем «царском» происхождении, попавший в руки кн. А. Вишневецкого, самозванец написал «будучи в Киеве» (там же). Согласно Выписке, «царевича» в России «спасли боярин Нагой да дьяк Шелкалов» (там же), тогда как в Новом летописце сказано: «крыша, бояре и дьяки Шелкаловы» (НЛ, стр. 60). В Выписке царь Борис, проведав о самозванце, «замучил» «отца его взяв безвинно» и дьяка Смирного, которому было поручено расследование о Григории в России (там же); в Новом же летописце — одного дьяка (НЛ, стр. 61).

О том, что и в этой части Выписки Татищев продолжал излагать летопись Иосифа, свидетельствует совпадение ее оригинального известия о давних связях Отрепьевых с Басмановыми

---

¹¹ И. М а с с а. Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 68; Дневник Акселя Гюльденстерна. Чтения ОИДР, 1911, кн. III, отд. II, стр. 35.

с одной из прямых ссылок Татищева на Иосифа в его примечаниях к Соборному уложению Бориса Годунова 1604—1605 гг. о сборе против самозванца «патриарших, митрополитских, архиепископских, и епископских, и монастырей слуг»: «И вельможи, хотя совершенно знали, а *наипаче Басманов, у которого оной Отрепьев взрос* (курсив мой, — В. К.), да мстя погубление государей и знатнейших родов оному пристали и прежде, нежели знали, кто он, его письмами к тому поощряли и вельмож польских уверили, как монах Иосиф показывает» (ИР, VII, стр. 388—389).

Сопоставление этого раздела Выписки с Новым летописцем позволяет продолжить наблюдения над манерой использования Татищевым и составителем Нового летописца их общего источника. Несмотря на наличие ряда дополнительных известий по сравнению с Новым летописцем, Татищев сокращает Историю Иосифа сильнее, чем последний: им опущены церковные сентенции и историческая параллель со Святополком «Окаянным», удалены названия монастырей и известие о пребывании самозванца в Киево-Печерском монастыре. Сократил Татищев и указания на то, что рассказ этот принадлежал современнику, близкому к патриарху Иову, в частности о нежелании Иова поверить доносу ростовского митрополита на Отрепьева. Текст Иосифа Татищев приближает к языку XVIII в., употребляет более современные слова: вместо «сын боярский» «дворянин», «памятку» заменяет на «карточку» и т. д. Дьяка Семейку Ефимьева, о котором в Новом летописце говорится, что он «тому Гришке свой», Татищев называет «другом» Отрепьева. Наконец, делает собственные добавления, заключив одно из них в скобки, а другое же дает в общем тексте, так, что догадаться о нем можно лишь по смыслу. Излагая известие Иосифа о том, что патриарх Иов взял к себе Григория Отрепьева «для писания книг», Татищев, верный просветительским тенденциям своего времени, добавляет от себя: «зани еще печати на употребляли» (ИР, VI, стр. 291).

Расхождения между Выпиской и Новым летописцем обнаруживаются в трактовке вопроса о пострижении Отрепьева. Если у Татищева его местом пострижения, как можно судить по контексту, является Чудов монастырь, а лицом, постригшим молодого Отрепьева, — чудовский архимандрит, по-видимому Пафнутий, ставший им в 1595 г., то в Новом летописце вопрос оставлен открытым: «и во младости пострижен на Москве, не вем где» (НЛ, стр. 59). Возможно, что Татищев пытается осмыслить текст Иосифа, исходя из косвенных данных (учеба Отрепьева в Чудовом монастыре). Другое расхождение состоит в том, что, согласно Новому летописцу, в Брянске Григорий Отрепьев встречается «с Мисайлом Повадиным с товарищем» (очевидно, Варлаамом Яцким), тогда как в Выписке он сходится там с одним «Михаилом Повадиным». Как явствует из пространной редакции «Сказания, еже содеяся»..., мирское имя Повадина было «Ми-

хана» — серпьянин Михайло Трофимов (разночт. Трифонов) сын Повадни.¹²

Составитель Нового летописца сохранил важное известие об одном из источников, каким пользовался Иосиф, создавая свое повествование о самозванце. Это рассказы чудовских монахов: «*Ото многих же чудовских старцов слышав* (курсив мой, — В. К.), яко в смехотворенне глаголаше старцом, яко царь буду на Москве» (НЛ, стр. 59). Сообщение же о том, что ростовский митрополит Иона первоначально доносил на Григория Отрепьева патриарху Нову, а «патриарх же не поверя ему», восходит к самому патриарху, который делился услышанным со своим келейником. В какой-то мере известны были Иосифу результаты расследования о Григории Отрепьеве, ведшегося в патриаршей канцелярии. В грамоте новгородского митрополита Исидора 1605 г., основывавшейся на этом расследовании, на пути чернеца Пимена из Днепровского монастыря в Новгород Северский назван Брянск, где, вероятно, он и встретился с Григорием, Мисаилом и Варлаамом.¹³ Брянск как место схода Григория с Мисаилом и Варлаамом назван только в Новом летописце. В «Извете» же Варлаама, в повестях и сказаниях, на которые «Извет» оказал влияние, Григорий с Варлаамом и Мисаилом бегут вместе из Москвы.¹⁴ Одно место как будто содержит намек на личное знакомство Иосифа с самозванцем: Григорий Отрепьев «живяше у патриарха и в Чюдове монастыре и многих людей вопрошаше о убийстве царевича Дмитрея и проведаше накрепко» (НЛ, стр. 59). Среди этих многих мог быть и патриарший келейник, человек наиболее осведомленный об этом убийстве и уделивший в своей летописи ему особое внимание. Но распространяться на эту тему Иосиф, конечно, не собирался.

Некоторые детали рассказа Иосифа о самозванце приобретают большую силу, получая неожиданное подтверждение в актовом материале. Приведенный только у него маршрут побега Отрепьева существенно расходится с показаниями других источников, особенно с «Изветом» Варлаама. Я уже указывал на упоминание Брянска в следственных материалах патриаршей канцелярии, отраженных в грамоте новгородского митрополита Исидора, перекликающиеся с летописью Иосифа. Большой интерес представляет и сообщение Иосифа о прохождении Отрепьева через муромский Борисоглебский монастырь, где строитель (в передаче Татищева) — «приятель деда его» — на некоторое время приютил

¹² Чтения ОИДР, 1847, № 9, отд. II, стр. 31 и 33; И. А. Голубцов. «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «извет» Варлаама. Уч. зап. Института истории РАН ИОН. т. 5, 1928, стр. 238.

¹³ ААЭ, т. II, стр. 82.

¹⁴ В «Повести како восхити» Григорий бежит в Литву из Железоборовского монастыря, тогда как в «Ином сказании», куда наряду с этой Повестью был включен «Извет», названа уже Москва. РИБ, т. XIII, СПб., 1909, стр. 18, 155.

беглеца и дал ему лошадь. Оказывается, эта история имела продолжение. 14 августа 1605 г. в Муром от имени Лжедмитрия I была направлена грамота губному старосте Семену Чегодаеву об отдаче на оброк игумену муромского Борисоглебского монастыря Захарию двух озер, «что были на оброке за Иваном Никитиным Годуповым».¹⁵ 23 августа в Муром была отправлена новая грамота об отделе на оброк игумену Захарию р. Мотры, впадающей в Мотцкое озеро.¹⁶ Кроме того, сохранилась послушная игумену Захарию на две трети дер. Глебовой, расположенной в Дубровском стапе Муромского уезда.¹⁷ Кстати сказать, для игумена Захария эти пожалования самозванца означали конец его карьеры по воцарении Василия Шуйского. Из грамоты В. Шуйского от 5 июня 1607 г. узнаем, что в муромском Борисоглебском монастыре был уже новый строитель — архимандрит Изосима.¹⁸

По-другому следует отнестись к известию Иосифа о том, что по приказу Бориса Годунова были заключены в тюрьму и замучены отец Григория — Богдан и дьяк Смирной Васильев. Если относительно отца самозванца доля правды могла быть (в дальнейшем в дипломатическом наказе посланникам в Польшу кп. Г. К. Волкопскому и дьяку А. Иванову 1606 г. глухо говорилось, что его зарезал «на Москве в Немецкой слободе» какой-то «литвин», фамилию которого предпочитали не называть),¹⁹ то сообщение о гибели дьяка Смирного Васильева просто не соответствует действительности. Дьяк Смирной Васильев продолжал свою деятельность в приходе Большого Дворца, пока Сигизмунд III не назначил в 1610 г. на его место дьяка Михаила Тюхина. Сохранил должность и другой дьяк этого приказа — Семен Ефимьев, «свой» Григорию Отрепьеву, который задержал исполнение царского приказа о ссылке Григория на Соловки.²⁰

Неосведомленность о судьбе Смирного Васильева характеризует Иосифа как человека, далекого от приказов и людей, в них действовавших. Зато он весьма хорошо осведомлен о людях и делах церковных, не упускает случая рассказать, какую позицию занял патриарх Нова, когда ростовский митрополит Нова донес ему на Григория.

От слов «Прислал грузинский царь просить помощи», включая рассказ о посылке в Польшу дяди самозванца Смирного Отрепьева, в Выписке Татищев дословно следует «черновой» Выписке, делая отдельные краткие приписки редакционного характера: «И оные, пришед в Тарки, начали город строить»,

¹⁵ ЦГАДА, ф. Грамот Коллегии экономии (далее ГКЭ), по Мурому, № 67.

¹⁶ Там же, № 66.

¹⁷ Там же, № 68.

¹⁸ Там же, № 70.

¹⁹ Сб. РИО, т. 137, стр. 320.

²⁰ С. Б. Веселовский. Списки дьяков, стр. 124—125, 272. (Машинопись).

«Тогда же», «Тогда же по получении обстоятельной из Польши ведомости». Содержащиеся еще в «черновой» Выписке необычные данные о восстании Хлопка, о посылке И. Ф. Басманова «с полками» и о том, что в сражении под Москвой «разбойников несколько тысяч побито, другие разбежались, а Хлопка с несколькими поймаи и казнец» (ИР, VI, стр. 292), — очевидно, результат осмысления Татицевым текста Нового летописца.²¹ Важное прибавление по сравнению с первоначальным текстом «черновой» Выписки сделано Татицевым для объяснения поведения польской стороны, отказавшейся показать Смирному его племянника и пресечь авантюру. «Сие учинилось, — говорится в Выписке, — от того, что многие бояря, утешенные от Годунова, тому возрадовались и тайно к королю приказывали, чтоб ему вспомогал; для котораго нарочно послан был с посланником Прокопия Ляпунова племянник (далее шли слова, затем зачеркнутые Татицевым: «который жил в доме князя Василпя Голицына» (ИР, VI, стр. 385, прим. 58), «и поляков крепко обнадежил» (ИР, VI, стр. 292).

Выше уже приведено то место из летописи Иосифа в пересказе Татицева, где сообщается о переписке русских бояр с Отрепьевым и уверении ими польских вельмож в истинности претендента даже тогда, когда они «не знали, кто он», другими словами — в самом начале его авантюры. В приведенном отрывке, также подчеркнутым Татицевым из летописи Иосифа, рассказывается уже о контактах русских бояр с польским королем и о том, как эти контакты конкретно осуществлялись. Посредником между ними стал племянник Прокопия Ляпунова, давнего противника Годунова, — Федор Григорьевич Ляпунов, позднее, согласно Новому летописцу, использовавшему летопись Иосифа, по крайней мере до 1613 г., выполнявший дипломатические поручения своего деятельного дяди.²²

Важная подробность, присутствовавшая в летописи Иосифа, была удалена в процессе работы над текстом Выписки В. И. Татицевым. Это указание на проживание Ф. Г. Ляпунова в доме кн. В. В. Голицына аналогично отмеченному выше известию Иосифа о проживании Григория Отрепьева в доме П. Ф. Басманова.

Среди русских «вельмож», вступивших в переписку с самозванцем, Сигизмундом III и польскими «вельможами», помимо князя В. Голицына, был и будущий царь Василий Шуйский. При перечислении тех низких способов, употребленных им для

²¹ См. также: В. И. Корецкий. К истории восстания Хлопка (новые материалы). Крестьянство и классовая борьба в феодальной России, сб. статей памяти И. И. Смирнова, Л., 1967, стр. 216—217, прим. 24.

²² «К Николе Зараскому (к кн. Д. М. Пожарскому, — В. К.) присла (Прокопий Ляпунов. — В. К.) племянника своего Федора Ляпунова, чтоб с ними были в совете и в грамоте к ним писаше, чтоб ему метити смерть царю Василью князь Михайла Васильевича». ПСРМ, т. XIV, стр. 97.

достижения власти, Татищев вслед за Иосифом ставит ему в вину конспиративную переписку с самозванцем: «избрав Годунова на царство, как скоро о явившемся в Польше Ростриге уздав, тайно, согласясь с другими, онаго звал ис Поляков, обнадежели» (ИР, VI, стр. 300). Дополнительные подробности об интриганском поведении Василия Шуйского, почерпнутые из летописи Иосифа, Татищев привел в окончательном тексте истории «Царства Василия Ивановича Шуйского»: «Годунову присега, как скоро о явившемся царевиче Дмитриии уздавал, многим тайно сказывал, якобы убитый погребенный на Угличе, которого он, выпяв из земли, осмотривал, подлинно не царевич Дмитриий и тайно с Ростригою списывался, в котором от царя Бориса по обличению сослан бы в ссылку» (ИР, VI, стр. 310).

Эти оригинальные известия, восходящие к летописи Иосифа и отсутствующие в других русских источниках, трудно поддаются проверке.

Летопись Иосифа позволяет ответить на вопросы, боярам ли принадлежала идея выдвинуть самозванца, готовили ли они его в России. На них нужно ответить отрицательно. Хотя Григорий Отрепьев и был вхож в дом Басманова и другие московские боярские дома, но поначалу бояре даже не знали, кто же принял в Польше имя царевича Дмитрия, что, впрочем, не помешало им сразу же оказать этому смельчаку тайную поддержку. Причем общая ненависть к Годунову объединила на время даже таких заклятых врагов, как Шуйские и Голицыны.

В. Н. Татищев, ненавидевший современную ему русскую аристократию, все снова и снова обращается к Истории Иосифа, наращивая факты о предательском поведении «русских вельмож» XVII в. Составитель же Нового летописца, работавший в окружении патриарха Филарета, благоволившего к В. Шуйскому, оставил в стороне эти компрометирующие его и других бояр известия.

Военные действия царских войск против самозванца в 1604—1605 гг. в Выписке воспроизведены по «черновой» Выписке, приписаны только слова «и стали к нему (самозванцу, — В. К.) пересажать, а другие тайно писать, чрез что» (ИР, VI, стр. 293), основанные на Истории Иосифа, где, как мы видели, переписке с самозванцем уделялось особое внимание. Сделанное же еще в «черновой» Выписке замечание — «а Салтыков от Ростриги ушел, но потом более Ростриге, нежели Годунову служил» (ИР, VI, стр. 292) — могло принадлежать как Иосифу, так и самому Татищеву.

Большой отрывок в пересказе Татищева из Истории Иосифа, отсутствующий в «черновой» Выписке, о посылке Годуновым П. Ф. Басманова к самозванцу для опознания его начинается со слов «Некоторые повествуют о сем Петре Басманове тако» и заканчивается известием о смерти Годунова (ИР, VI, стр. 293). Принадлежность его летописи Иосифа устанавливается указанием на проживание самозванца в молодости в доме Басмановых («Царь

Борис, ведая, что оный Отрепьев жил в доме Басмановых»). Встретившись с Борисом Годуновым по возвращении в столицу («назавтрее, в понедельник на Фоминой неделе»), Басманов рассказал царю о безошибочной примете («бородавке на правой щеке»), которую он якобы увидел при личной встрече с Лжедмитрием. Тогда Борис Годунов велел оповестить о сборе москвичей «на Ивановскую и Красную площадь», где с разоблачениями перед ними должен был выступить Басманов. Однако Басманов не оправдал надежд царя. Выехав на Красную площадь, он заявил собравшимся, что «тот подлинно царевич Димитрей, а не Отрепьев», после чего ускакал «с одним служителем к Ростриге в Путивль».

Как видно из приписки в «черновой» Выписке, впоследствии зачеркнутой Татищевым, смерть Бориса была датирована по тому же церковному празднику, что и приезд Басманова в Москву от самозванца: «*На Фоминой седмице в субботу* (курсив мой, — В. К.) внезапно заболел Борис Году(нов) и едва успе... и в 2 часа умре апреля 5 дня» (ИР, VI, стр. 377, прим. ф—ф).

Следовательно, и известие о смерти Бориса Годунова Татищев излагал по Истории Иосифа. В рассматриваемой Выписке Татищев опустил ряд подробностей и датировал смерть Бориса 13 апреля. Эта датировка согласуется с К. Буссовым и И. Массой.²³ В Новом летописце во всех списках смерть Бориса отнесена к апрелю 1605 г., но число не проставлено (НЛ, стр. 63).

Отсюда можно заключить, что числа в летописи Иосифа не было, его еще нужно было установить путем перевода по церковному празднику и дню недели. Татищев сначала привел неверно, а затем в Выписке поправил ошибку, а составитель Нового летописца оставил чистое место для числа, вообще отказавшись на том этапе работы от перевода.

Наречение Федора Борисовича на царство отнесено в Выписке к 14 апреля (даты этой в НЛ нет, у Буссова она также отсутствует, Масса относит это событие к 16 апреля), при этом Татищев употребил безличный оборот — «нарекли» (ИР, VI, стр. 293). В Новом летописце говорится о «боярах и всех людях». В Мазуринском летописце, как мы показали, отразившем какую-то первоначальную редакцию Нового летописца или непосредственно летопись Иосифа, сохранилось указание на главенствующую роль в акте наречения сына Бориса Годунова патриарха Иова.²⁴

И в дальнейшем В. Н. Татищев продолжает обращаться к Истории Иосифа, о чем свидетельствуют приведенные в Выписке оригинальные известия и точные датировки. Они отсутствуют в Новом летописце и других русских источниках, но вполне согласуются с тем, что говорит Татищев о летописи Иосифа и что было установлено ранее нами относительно ее возможного содер-

²³ К. Буссов. Московская хроника, стр. 104; И. Масса. Краткое известие о Московии, стр. 97.

²⁴ В. И. Корецкий. Мазуринский летописец конца XVII в., стр. 282.

жанья. И у Татищева, и в Новом летописце отмечены упорные, но безуспешные попытки Иова противостоять разбушевавшейся народной стихии. Однако последовательность событий у Татищева другая, чем в Новом летописце, наблюдаются расхождения и в их освещении. О попытке Иова укрепить бояр в верности Годуновым в Новом летописце говорится еще до прочтения грамот самозванца на Лобном месте. У Татищева же о противодействии Иова сказано позднее и в самой общей форме, но зато у него отмечена активность простых москвичей, принудивших бояр взять под стражу жену и сына Годунова:

Новый летописец

Боляря ж придоша к патриарху и возвестиша ему злый совет московских людей. Патриарх же Иев, столп непоколебимой, со слезами моляше, укрепляя их, и ничто ж успеваше (стр. 65).

Выписка Татищева

Патриарх же Иев сильно тому противился, но ничего учинить не мог. *Народ же принудили бояр взять Годунова жену и сына под караул...* (курсив мой, — В. К.) (стр. 294).

Совсем кратко сообщено у Татищева о сведении Иова с патриаршего престола, тогда как в Новом летописце, передающем здесь текст летописи Иосифа значительно подробнее, сохранена даже прощальная речь опального патриарха (НЛ, стр. 65—66).

Во всех этих случаях в передаче летописи Иосифа сказался антиклерикализм историка XVIII в., который не склонен был придавать действиям Иова и его словам такое важное значение, как его келейник и следовавший за ним составитель Нового летописца.

Убиение царевича Федора и его матери у Татищева датировано 10 июля 1605 г. (ИР, VI, стр. 294), в Новом летописце дата отсутствует (стр. 66).

Сообщая о переносе праха Годунова из Архангельского собора в Варсонофьевский монастырь, Татищев сохранил любопытную деталь, изобличающую современника и очевидца, представителя столичного духовенства, каким был Иосиф, опущенную составителем Нового летописца. Прах царя Бориса, «которой погребен был в церкви Архангела в алтаре на правой стороне», положили в простой гроб для переноса в Варсонофьевский монастырь, *«вытаща сквозь стену»* (курсив мой, — В. К.) (ИР, VI, стр. 294). Выделенные курсивом слова отсутствуют в Новом летописце.

Самозванец вошел в Москву «чином» 10 июля (ИР, VI, стр. 294); даты этой в Новом летописце нет. Высшее русское духовенство не желало избрать преемника грека Игнатия на патриаршество, но уступило домогательствам самозванца: «Котораго (Игнатия, — В. К.) хотя прочие все архиереи не хотели, однако ж опасаясь из того большей беды, по повелению его (самозванца, — В. К.) поставили на патриаршество» (ИР, VI, стр. 294—295). Противоречивость настроений высшего русского духовенства, его молчаливую оппозиционность и в то же время при-

служничество Лжедмитрию I, отмеченные Иосифом, Татищев не преминул привести в своей Выписке.

Оригинально сообщение Выписки о предварительных переговорах П. Ф. Басманова с царицей-инокой Марфой, матерью царевича Дмитрия, во время которых были применены угрозы: «послал наперед Басманова ея уговорить, представляя ей тяжкий страх» (ИР, VI, стр. 295). В одной из разрядных книг к Марфе самозванец отправил кн. В. Мосальского, «а наперед послал ее уговаривать постельничего своего Семена Шапкина, чтоб его назвала сыном своим царевичем Дмитрием, а потому Семен послан, что он Нагим племя, да и грозить ей велел: не скажет, и быть ей убитой».²⁵ Составитель Нового летописца подробность о посылке Басманова опустил, предпочтя в определении мотивов, которым руководствовалась царица-инокиня, более осторожную позицию: «Тово же убо не ведяше никто же, яко страха ли ради смертново, или для своево хотенця назва себе ево Гришку прямым сыном своим, царевичем Димитрием» (НЛ, стр. 67). Последовательность событий в Новом летописце и в Выписке не совпадает. В Выписке сначала прибывает в столицу царица Марфа и «вскоре» после этого «иуллиа 29 дня» происходит коронавание в Успенском соборе самозванца (ИР, VI, стр. 295). В Новом летописце «венчание царским венцом» Лжедмитрия I предшествует главе 109 «О приходе к Москве царицы Марфы» (НЛ, стр. 67). Составитель Нового летописца здесь ошибается, ибо Марфа была привезена в Москву 18 июля,²⁶ а коронация совершилась 20 июля.²⁷ (У Татищева неверно — 29 июля, хотя общая последовательность событий им соблюдеца правильно).

То же самое произошло и с известием о посылке грамот в Польшу об избрании Лжедмитрия I царем. У Татищева оно помещено сразу же за сообщением о коронации самозванца, в Новом летописце ему предшествуют две главы — 110 и 111 — о заговоре Шуйских и о казнях и пытках (ср. НЛ, стр. 67 и ИР, VI, стр. 295).

В Новом летописце в потворстве самозванцу обвиняются «бояре же все и всяких чипов люди», грамоты посылаются «в Литву за руками святительскими и за боярскими». Татищев, верный своим антивельможным настроениям, за все это делает ответственными одних бояр, но зато сохраняет известие о том, что они подписали грамоты с тайной горечью. Язык Выписки сильно модернизирован, церковные септенции опущены, «грамоты» заменены «объявлением», «в Литву» — «в Польшу к Речи Посполитой» и т. д.

²⁵ Чтения ОИДР, 1907, кн. II, стр. 6.

²⁶ К. Буссов. Московская хроника, стр. 351, прим. 53.

²⁷ И. Масса. Краткое известие о Московии, стр. 113. Маржерет и Паэрле датируют коронацию 31 июля п. ст. (Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии самозванце, ч. 1. Изд. 3. СПб., 1859, стр. 174, 298).

Важные добавления сделаны Татищевым при изложении известий о пытках и казнях, учиненных Лжедмитрием I в Москве. Так, относительно казненного Петра Тургенева, одного из обличителей самозванца, сказано, что он знал его с детских лет (ИР, VI, стр. 295). Вслед за сообщением о казни Петра Тургенева приведен любопытный эпизод, полностью опущенный составителем Нового летописца: «Болярин князь Иван Борисович Черкасской довольно его знал, понеже вместе в Чудове монастыре с ним грамоте учился, и оного Рострига часто словами паедице искушал, знает ли он его. Обаче сей князь, опасаясь смерти, укрепился и всегда сказывал, что он его не знает и нигде не видал, хотя по бородавке на лице всякому, кто его младенцем знал, узнать было можно» (ИР, VI, стр. 295). Этот текст восходит к Иосифу, обыгравшему знаменитую бородавку ранее в эпизоде с посылкой Борисом Годуновым П. Ф. Басманова для опознания самозванца, а в рассказе о детских летах самозванца сообщившем об учебе Отрепьева в Чудовом монастыре и его успехах. Сказанное ранее конкретизируется теперь указанием на то, что среди сверстников, которых юный Отрепьев обогнал в учебе в школе Чудова монастыря, был князь И. Б. Черкасский.

Известие Иосифа о знакомстве Отрепьева с князем И. Б. Черкасским находит подтверждение в летописках. Так, в пространной редакции «Сказания, еже содеяся» после сообщения о ссылке Романовых и Черкасских говорится, что «сей же Гришка Отрепьев ко князю Борису Келбулатовичу в его благодатный дом часто приходил и от князя Ивана Борисовича честь приобретал, и тая ради вины на него царь Борис негодовал». После опалы, постигшей Романовых и Черкасских, Григорий, боясь гонений со стороны Годунова, вынужден был бежать из Москвы и постричься в монахи.²⁸ Характер отношений Отрепьева к Романовым и Черкасским раскрывается в статейном списке посольства кн. Г. К. Волконского и дьяка А. Ивашова 1606—1607 гг.: «А он, Юшка, был в холопех у бояр Микитиных детей Романовича, и у князя Бориса Черкаскова, и заворовався постригся в чернцы».²⁹

Широко использовал В. Н. Татищев Историю Иосифа при описании последних дней самозванца, восстания в Москве 17 мая 1606 г. и воцарения В. И. Шуйского. Яркие подробности о свадьбе 8 мая (эта дата приведена и в Новом летописце), когда «столы были по три дни во множестве людей, перед него и перед тестя носили на золоте, а причт (курсив мой, — В. К.) все ели на серебре» (ИР, VI, стр. 296), обнаруживают современника духовного звания. Тот же современник виден и в сообщении об «устронии во дворце папежинской церкви под образом» (курсив мой, — В. К.) (там же). Известия об амнистии по случаю

²⁸ Чтения ОИДР, 1847, № 9, отд. II, стр. 4.

²⁹ Сб. РИО, т. 137, стр. 320.

свадьбы Шуйских, которые были реабилитированы полностью и призваны ко двору, и уцелевших Годуновых, получивших право проживать в своих вотчинах («Годуновых же токмо велел отпустить по деревням»), как и предыдущие, отсутствуют в Новом летописце.

Интересно известие о согласовании Лжедмитрием своего плана об избииении во время военного смотра на лугах «против Коломенского» бояр-заговорщиков с Басмановым, после чего о нем было сообщено М. И. Татищеву. Ранее В. Н. Татищев вслед за фамилией Басманова написал и фамилию Мосальского: «написал (самозванец, — В. К.) роспись (неугодных бояр, подлежащих устранению, — В. К.), советуя с Басмановым и Мосальским» (курсив мой, — В. К.) (ИР, VI, стр. 385, прим. 83—83).

Следовательно, в летописи Иосифа, откуда В. Н. Татищев черпал эти сведения, говорилось о двух советниках Лжедмитрия — П. Ф. Басманове и В. Ф. Мосальском. В. Н. Татищев, последовательно выдвигающий на первый план Басманова, фамилию Мосальского убирает.

Только в Выписке мы встречаемся с рассказом о том, как М. И. Татищев, которому было поручено оповестить бояр о смотре, назначенном на 14 мая,³⁰ «видя такую беду, ночью тайно посхав, сказал Шуйским, а сам паки приехал во дворец и почевал» (ИР, VI, стр. 296). Красочная сцена между Татищевым и самозванцем, разыгравшаяся при звуках набата, возвестившего начало восстания, опущена в Новом летописце.

И в Новом летописце, и в Выписке восстание вместо 17 мая неверно отнесено к 14 мая. Согласно Татищеву, ему предшествовало многолюдное собрание «к заутрене» в Вознесенский монастырь, где царица Марфа после долгих просьб объявила, что нынешний царь не ее сын. Инициаторами этого обращения к царице Марфе Татищев называет «чернь и стрельцов» (ИР, VI, стр. 296). В Новом же летописце стрельцы обратились к царице уже во время восстания, когда они попытались защитить вывихнувшего ногу при падении из окна самозванца (стр. 69).

Возможно, что в летописи Иосифа говорилось о двух обращениях к царице Марфе. Татищев объединил их в одно, предшествующее восстанию, а составитель Нового летописца, усомнившись в возможности многолюдного собрания в Вознесенском монастыре накануне восстания, опустил его. Нужно сказать, что в Новом летописце текст Иосифа о майском восстании в Москве подвергся очень сильному сокращению, в результате чего возникли несвязки. Так, смерть П. Ф. Басманова отнесена в нем ко времени после того, как самозванец вывихнул себе ногу и попытался пойти защиту у стрельцов.

---

³⁰ В первой Окружной грамоте царя В. Шуйского и в «Повести, како восхити» стоит дата 18 мая (РИБ, т. XIII, стлб. 56, 77).

В Выписке не указаны имена дворян, убивших Лжедмитрия (ИР, VI, стр. 296—297). Отсутствуют они и в Новом летописце (стр. 69). В «Сказаниях, еже содеяся» названы Иван Воейков и Григорий Валуев.³¹

Общая ошибка в датировке восстания и умолчание об убийцах самозванца при наличии сходных мест и выражений лишьный раз свидетельствуют о заимствовании Татищевым и составителем Нового летописца из одного источника — летописи Иосифа.

Как следует из зачеркнутого текста (ИР, VI, стр. 385, прим. 88—88), первоначально Татищев начал излагать обстоятельства воцарения Шуйского по Новому летописцу, но затем отказался от этого и последовал Истории Иосифа. Поступить так его заставили первичность и большая конкретность летописи Иосифа. Зачеркнув ранее написанное, В. Н. Татищев избежал дуближа, подобного тому, который он допустил в рассказе о смерти в Москве в 1602 г. датского королевича Иоганна.

Воцарению Шуйского у Татищева предшествует известие о низложении патриарха Игнатия, происшедшее «на другой день» по убийстве самозванца (ИР, VI, стр. 298). В Новом же летописце сначала в главе 120 говорится о коронации Шуйского казанским митрополитом Гермогеном, а затем уже в следующей, 121-й главе «О поставлении на патриаршество Гермогена патриарха» сказано о сведении с патриаршего престола Игнатия В. Шуйским «по воцарении же своем». Таким образом, согласно Новому летописцу, устранение Игнатия неоправданно затягивается и происходит после коронации Шуйского, происшедшей 1 июня³² (отнесена неверно Татищевым к 25 мая — ИР, VI, стр. 300).

В Выписке обстоятельно раскрывается та острая борьба, которая предшествовала воцарению Шуйского, в Новом летописце она приглушена.

Новый летописец

По убийстве ж Ростригине начаша бояре думати, как бы сослатца со всею землею и чтоб приехали в городов к Москве всякие люди, как бы по совету избрати на Московское государство государя, чтоб всем людем был. Богу же не милующу грех ради наших, ещо не к унятию крови крестьянские многие люди, умышляя по совету князя Василья Иваповича Шуйсково, не токмо, что советова со всею землею, да и на Москве не ведяху многие люди, в четвертый день по

Выписка Татищева

Потом стали советовать о выборе государя. И на первом совете положили бояре со всеми согласно, что выбирать государя всем государством, созвав из городов шляхетство, властей, служивых и купецких от городов знатных людей, и чтоб о том немедля послать во все города грамоты. Но прихоть непорядочная князя (Василья Шуйского, — В. К.) тому всему помешала, понеже они о том тотчас стали спорить, представляя в том продолжение, а от поляков и меж-

³¹ РИБ, т. XIII, стлб. 750, прим. 30.

³² К. Буссов. Московская хроника, стр. 356, прим. 70; Материалы по истории СССР, вып. II, М., 1955, стр. 124.

убиении Ростригине приехаша в город и взяша князя Василья на Лобное место, нарекоша ево царем и пойдоша с ним во град в Соборную церковь Пречистые Богородицы (стр. 69).

доусобнаго несогласия великую опасность. И тако разошлись ничего не положе. В четвертый день по убении Ростриги, т. е. 19 числа маи, собрались бояре наки для совета в Грановитую (вместо зачеркнутого «Золотую», — В. К.) палату, и тут, о выборе разсуждая, многие по вышеписанному представляли созывать с городов (стр. 298).

Далее следует текст, не имеющий параллелей с Новым летописцем.

Итак, В. Н. Татищев сообщает о двух заседаниях Боярской думы в Грановитой палате, на которых возникли острые разногласия, тогда как в Новом летописце сказано просто: «пачаша бояре думати». Против внесенного на первом заседании Боярской думы предложения о созыве полномочного Земского собора выступал кн. В. И. Шуйский. Только у Татищева приведена мотивировка, выдвинутая им: «великая опасность» «от поляков и междоусобного несогласия». О втором заседании Боярской думы в Новом летописце не упоминается. Здесь действуют некие безликие «многие люди» — сторонники Шуйского, которые добиваются невесть как его наречения царем. В Выписке же нарисована картина ожесточенной борьбы в боярских верхах за власть. Хотя и на вторичном заседании Боярской думы «многие» продолжали настаивать на созыве Земского собора, в конце концов возобладало мнение Шуйского «с товарищи». Тогда были предложены три кандидатуры. Сторонники В. Шуйского выдвинули его, ссылаясь на родовитость своего кандидата. Сторона В. В. Голицына, составлявшая большинство, указывала на государственные заслуги В. В. Голицына. Некоторые предлагали кн. Ф. И. Мстиславского, но тот сам снял свою кандидатуру. Исход борьбы якобы определило коварство М. И. Татищева, предложившего перенести решение на суд собравшейся толпы, которую он затем уверил, что царем уже выбран Шуйский. По выходе Шуйского и Голицына предварительно обработанная толпа закричала: «Здравствуй царь Василей Ивапович Шуйской!» (ИР, VI, стр. 298).

Факт острой борьбы за власть в боярских верхах в мае 1606 г. подтверждается Пискаревским летописцем. Однако там на Лобное место выходит с Шуйским не Голицын, а Мстиславский.³³ О кандидатуре Мстиславского пишут Горсей и Маржерет.³⁴ В согласии с Выпиской находится краткое свидетельство А. Палицына, не любившего Шуйского и приложившего, по-

³³ Материалы по истории СССР, вып. II, стр. 124.

³⁴ Дж. Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 105; Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрие самозванце, ч. 1, стр. 307—308.

видимому, руку к его свержению в 1610 г.: «...малыми некими от царских полат излюблен бысть царем князь Василей Иванович Шуйской и возведен бысть в царский дом, и никим же от вельможь не пререкован, ни от прочего народа умолен».³⁵ Напротив, К. Буссов указывает на поддержку Шуйского частью московских посадских людей, издавна связанных с Шуйскими, а теперь еще и видевших в нем главу победившего восстания, очистившего столицу от польских пришельцев.³⁶

Отметил В. Н. Татищев разногласия своих источников по вопросу о том, кем была впушена царю Василию мысль о крестоцеловальной записи: «Он же царь Василей, некоторые сказывают, по принуждению Голицына и других бояр, а другие якобы от своей воли, он целовал крест всему государству» (ИР, VI, стр. 298). «Некоторые» — это летопись Иосифа. В ней роль В. В. Голицына в предвыборной борьбе преувеличивалась даже за счет Ф. И. Мстиславского. Под «другими» здесь надо разуместь Новый летописец, где сказано, что «бояре же и всякие людие ему говорили, чтоб он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве тово не повелось. Он же никою не послуша и поцелова крест на том всем» (стр. 69). Очевидно, составитель Нового летописца в вопросе об избрании царя В. Шуйского отошел от летописи Иосифа, как это уже не раз бывало прежде, когда заходила речь о нем, и воспользовался другим источником.

Давая общую характеристику Шуйского, В. Н. Татищев, как уже указывалось, прибег к летописи Иосифа, где имелись известия о переписке русских бояр с самозванцем (ИР, VI, стр. 300).

К летописи Иосифа следует отнести и упоминание в Выписке о последней акции Иова, связанной с обращением к нему в Старицу царя и бояр с просьбой прислать «разрешительную» грамоту: «Оной же Иев сначала отрекся тем, что он уже не патриарх и патриаршества принять не хочет, но как выбрали и посвятили поваго патриарха, тогда они, согласясь, соборно разрешительную грамоту написали и по всем городом послали. Но всевышний судия и мститель неправды сии человеческие коварства вскоре достойною мздою в память всем клятвоступающим рабом все государство наказал и едва крайнего врагом рабства и пагубы по всевысокому свосму милосердию избавил» (ИР, VI, стр. 300).

В одном отрывке из летописи Иосифа, включенном Тихоном Желтоводским в Латухицкую степенную, рассказывается о попытке самозванца прикрыть именем Иова избрание в патриархи своего ставленника Игнатия. Прибывшим в Старицу посланцам Лжедмитрия I опальный патриарх, несмотря на все угрозы,

³⁵ Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, стр. 115—116.

³⁶ К. Буссов. Московская хроника, стр. 133—134.

отказался дать желанное благословение и якобы заявил: «яко по ватаге и атаман, а по овцех и пастырь».³⁷ Это легендарное известие сюжетно перекликается с приведенным выше реальным фактом. Хотя в конце концов обращение Шуйского и бояр к Иову и возымело успех,³⁸ но не привело к желанным результатам — отпюдь не предотвратило того «разорения русского», о котором писал Иосиф.

К Истории Иосифа В. Н. Татищев продолжал обращаться в Выписке, доведенной до 1613 г., и в дальнейшем.

Но возникает вопрос: только ли с 1602 г. (когда он сделал ссылку на «одного гисторика русского») стал прибегать к Истории Иосифа в своей Выписке В. Н. Татищев или же он использовал ее и ранее? В этой связи привлекает внимание то место Выписки, где говорится об избрании на царство Бориса Годунова в 1598 г. В. Н. Татищев, как уже не раз отмечалось, начинает изложение с использования «черновой» Выписки, основанной на Новом летописце. В данном случае он воспроизводит ее не дословно, а несколько распространяет, не выходя, впрочем, за рамки Нового летописца. Но сообщив об отъезде Ирины Федоровны «по погребению» Федора Ивановича в Новодевичий монастырь и ее пострижении, Татищев переходит к другому источнику, приводя оттуда оригинальные известия. Этим новым источником для него опять-таки служит История Иосифа. Прямая ссылка на то, что Иосиф в своей летописи описал избрание Годунова, связывая с ним последующее «разорение русское», содержится в Миллеровском списке вариантов примечаний ко 2-й части «Истории Российской». Здесь читаем: «...первый в Руси вольный выбор к великому государству разорению приключился, о чем Петреус, Пуфендорф, Хитреус, Трир и Гвагвинь, а наши *Иосиф монах* и Палицын келарь троницкой свидетельствуют».³⁹ Обращение к «Сказанию Авраамия Палицына» показывает, что рассказ об избрании Бориса Годунова там очень краток.⁴⁰ Краткость и схематизм «Сказания» по сравнению с Историей Иосифа были отмечены самим Татищевым в «Предъизвещении», где при перечислении «участных» сочинений сказано: «3) Иосиф, келейник Иова патриарха, или сам Иов некоторые дела одного ж государя (Ивана IV, — В. К.), последних 24 года, но весьма кратко, а по нем до избрания царя Михаила довольно пространно. 4) Авраамий Палицын, келарь Тропцы-Сергиева монастыря, то же писал кратче и не столь порядочно, но

³⁷ Горьковская областная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел ценной книги, Ц-2658/2, л. 965—965 об.

³⁸ АЛЭ, т. II, № 67.

³⁹ ЦГАДА, ф. 199, Портфель Миллера, д. 46/2, л. 12 об.—13. В Воронцовском списке ссылка на Иосифа и Палицына отсутствует. См.: В. Н. Татищев. История Российская, т. II, стр. 298.

⁴⁰ Сказание Авраамия Палицына, стр. 103—104.

избрание царя Михаила со всеми обстоятельствами; токмо сия весьма редко, где полная находится» (ИР, I, стр. 84—85).

Принцип работы В. Н. Татищева над нарративными источниками 4-й части «Истории Российской» был, таким образом, прост и плодотворен. Отдавая предпочтение сочинениям «участным», т. е. написанным современниками, очевидцами и участниками событий, он далее выдвигал на первый план те из них, которые позволили бы ему выбрать «полнейшее и обстоятельнейшее» для последовательного изложения и характеристики событий.⁴¹ Поэтому он не воспользовался «Сказанием Авраамия Палицына» при повествовании об избрании Бориса Годунова в 1598 г., точно так же, как позднее (это показано выше) оставил его в стороне, рассказывая о взятии с Василия Шуйского боярами крестоцеловальной записи в 1606 г., и, возможно, на всем пространстве до 1613 г., собираясь лишь избрание Михаила Федоровича изложить по этому «Сказанию».

Содержание Выписки не адекватно содержанию Нового летописца. И в Новом летописце, и в Выписке патриарх поставлен в центре событий. Бояре и члены Земского собора собираются у Иова, чтобы решить, кого избрать на царство. Но в Новом летописце речь сразу же идет о том, чтобы «посадити на Московское государство» Бориса Годунова (НЛ, стр. 50), тогда как в Выписке приписано Татищевым, что «перво просили царицы (Ирину Федоровну, — В. К.), чтоб она престол восприяла, ведаая, что была человек острого ума и великих добродетелей. Но она им весьма отказала и ходить к себе запретила» (ИР, VI, стр. 287).

Татищев передает текст Иосифа своими словами, особенно это заметно при характеристике Ирины Федоровны.

Еще более важно другое оригинальное известие о причинах отъезда Бориса в Новодевичий монастырь. Из текста Нового летописца неясно, каким образом он оказался там: это результат неудачного сокращения составителем Нового летописца своего источника. В Выписке же не только сообщается об отъезде Бориса Годунова, но и раскрываются мотивы, побудившие его на этот шаг: «Причина же тому была сия, что бояре хотели, чтоб он государству по предписанной грамоте крест целовал, чего он учинить и явно отказать не хотел, надеая, что простой народ выбрать его без договора бояр принудят. Сие его отрицание и упрямство видя, Шуйские начали говорить, что непристойно более его просить, поспеже в большей просьбе и его таком отрицании может быть не без вреда, и представляли, чтоб обирать иного, а особливо, что они, зная его скрытною злость, весьма его допустить не хотели» (ИР, VI, стр. 287).

---

⁴¹ С. Н. Валк. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии. В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. VII. Л., 1968, стр. 15.

Первая часть этого сообщения до упоминания Шуйских написана на полях — свидетельство того, что Татищев, работая над Выпиской, вновь обратился к Истории Иосифа.

Речь идет здесь о серьезном столкновении Бориса Годунова с членами Боярской думы по вопросу о взятии у него крестоцеловальной записи, наподобие, очевидно, той, которую дал позднее по настоянию В. В. Голицына и других бояр Василий Шуйский. Наиболее последовательными борцами против Годунова представляются Шуйские. Особая роль Шуйских во время избрания Бориса Годунова усугублена в Новом летописце: «Кпязи же Шуйские едины ево не хотяху на царство: узпаху его, что быти от него людем и к себе гонению; оне же от него потом многие беды и скорби и тесноты прияша» (НЛ, стр. 50). Сложные перипетии борьбы изложены крайне схематично. В Латухинской степенной Шуйские игнорируют Земский собор 1598 г.: «точию, Шуйские не похотеша на избрании том быти, ведяху бо яко будет от Бориса им гонение велие» (ЛС, л. 917).

С. Ф. Платонов усомнился в достоверности сообщения Нового летописца, полагая, что «романовский летописец поставил здесь имя Шуйских, так сказать, для отвода глаз. Ведь Шуйские не терпели от царя Бориса „потом“ скорбей и тягот и с этой стороны вряд ли могли его узнать».⁴² Основными противниками Годунова в это время он, полагаясь на донесения польских агентов, считал Романовых. Составитель Нового летописца фамилию Шуйских не вставлял, она имелась уже в летописи Иосифа. Но, устранив указание на других бояр и на разногласия в Боярской думе, он сильнее подчеркнул безосновательность гонений Бориса на Романовых, представил их невинными жертвами его подозрительности и властолюбия.

Существует вопрос: подвергались ли Шуйские в дальнейшем преследованиям со стороны царя Бориса? Для Иосифа, к которому восходит в этой части Новый летописец, была характерна последовательность, сохранный Татищевым: впоследствии в его летописи рассказывалось о гонениях на Шуйских вместе с Романовыми в 1600 г. и о ссылке Василия Шуйского Годуновым за тайную переписку с самозванцем, а, возможно, и о других проявлениях царского гнева. Составитель же Нового летописца первое известие оставил и даже усилил, а все последующее сократил, в результате чего его рассказ принял бездоказательный характер. Между тем сообщение Иосифа о привлечении Шуйских к следствию в 1600 г. получает серьезное подтверждение в описи Посольского приказа 1626 г. Там хранилось «дело доводное, что извещали при царе Борисе князь Ивановы люди Ивановича Шуйского Янка Иванов сын Марков да брат его Полуехтко на князь Ивана Ивановича Шуйского в коренье и в ведовском деле

⁴² С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 173—174.

108-го году».⁴³ Сложнее проверить известие Иосифа о ссылке В. И. Шуйского за связи с самозванцем. Если она и имела место, то была очель кратковременной, ибо в 1603—1605 гг. мы встречаем его на царских службах, но есть другие факты, свидетельствующие о недоверии и недоброжелательности царя Бориса к В. И. Шуйскому и его родственникам.⁴⁴

По некоторым сохранившимся деталям можно заключить, что Иосиф был участником торжественного шествия к Новодевичьему монастырю, возглавлявшегося патриархом. Согласно Выписке, «власти и бояре» были созваны патриархом «22 февраля, поутру рано». Иов действовал «по побуждению доброхотов Годунова» (ИР, VI, стр. 287). В Новом летописце зависимость действий патриарха от сторонников Годунова устранена, отсутствует там и точная датировка созыва освященного собора и Боярской думы. Нет там известия, помещенного в Выписке, что после целования креста Борис Годунов не покинул сразу монастырь, а переехал во дворец лишь 3 марта. Зато в Новом летописце сохранилась любопытная деталь. Оказывается, вместе с другими иконами патриархом был взят «образ пречистые богородицы Владимирския, ея же написа богогласный евангелист Лука» (НЛ, стр. 50). Этот же образ фигурирует в Новом летописце в связи с отречением Иова от патриаршества (НЛ, стр. 65).

Латухицкая степенная сохранила дополнительные следы использования Истории Иосифа Тихоном Желтоводским. После избрания Бориса царем: «И положив патриарх совет, по словесам всего народа, написа же и книгу приговорную за всех чинов руками, и положив ея во своем патриаршем дому в Казенном приказе» (ЛС, л. 917).

Позиция наблюдателя — Иосифа, келейника патриарха Иова, выявлена здесь достаточно определенно. Избрание Бориса и составление избирательной грамоты объявляются делом рук патриарха. Местом хранения избирательной грамоты назван патриарший дом, патриарший Казенный приказ, хотя известно, что другой экземпляр ее был положен в раку св. Петра в Успенском соборе.⁴⁵

В Выписке долгое нежелание Ирины Федоровны благословить своего брата на царство объясняется ее подозрениями, что он отравил Федора Ивановича. В. Н. Татищев замечает, помещая сказанное в скобки: «Некоторые сказывают, якобы царица, думая, что оной брат ея причиною смерти был государя царя Федора Ивановича, до смерти видеть его не хотела» (ИР, VI,

⁴³ ЦГАДА, ф. Посольский приказ, Архивская книга № 2, 1626 г., л. 435.

⁴⁴ Временник Ивана Тимофеева, стр. 101; Русский исторический сборник, т. 2, стр. 267—377; В. И. Корецкий. Голод 1601—1603 гг. в России и церковь. Вопросы истории религии и атеизма, т. VII, М., 1959, стр. 240.

⁴⁵ Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951, стр. 74.

стр. 287). О долгом молении инокини Александры и отравлении происками Бориса Годунова царя Федора Ивановича, которому предшествовало отравление Г. В. Годунова, единственного из Годуновых, выступавшего против убийства царевича Дмитрия, говорится в Хронографе 3-й редакции.⁴⁶ Обвинения Бориса Годунова содержатся в Латухинской степенной, «Временнике Ивана Тимофеева», «Сказании о царстве царя Федора Ивановича» и др.⁴⁷ Особенность Выписки — указание на то, что Ирина, во иночестве Александра, не хотела видеть своего брата до смерти. Большое значение для отнесения этого известия к летописи Иосифа имеет то место из Выписки, где со ссылкой на «одного историка русского», под которым, как удалось установить, надо разуметь Иосифа, говорится о решении Бориса Годунова умертвить датского королевича Иоганна из-за страха, «дабы люди по смерти его, вспомняв тиранские его дела, *что государей своих фамилию и по них все знатные роды искоренил* (курсив мой, — В. К.), мимо сына его сего королевича не обрали...» (ИР, VI, стр. 290). И в примечании к Соборному уложению Бориса Годунова 1604—1605 гг., перечисляя отрицательные стороны Бориса Годунова, Татищев указывает со ссылкой на Иосифа на «неправедное губление людей знатных» (ИР, VII, стр. 388). Значит, в своей летописи Иосиф ранее рассказывал о смерти последних представителей рода Калиты — Ивана Грозного, царевича Дмитрия и Федора Ивановича — злоумышлениями Бориса Годунова, а также о гонениях на знатнейшие княжеские и боярские роды. И действительно, в Выписке в приписке встречаем поистине уникальное известие, противопоставленное Новому летописцу: «Другие сказывают, якобы Бельской отцу духовному в смерти царя Иоанна и царя Федора каялся, что зделал по научению Годунова, которое поп тот сказал патриарху, а патриарх царю Борису, по котором немедленно велел Бельскаго, взяв, сослать. *И долго о том, куда и за что сослали, никто не ведал*» (ИР, VI, стр. 289). Известие это ведет в патриарший круг. Иов, очевидно, рассказал об услышанном от духовника Вельского не только царю, но и своему келейнику, пользовавшемуся его доверием. Оно имеет параллель в прямой ссылке Татищева на Иосифа в примечании к указу 1601 г. о крестьянском выходе: «Монах Иосиф сказует, что он тому, котораго погубить намерялся, наиболее ласкал и за великаго приятеля почитал, а погубя, со слезами лицемерно сожалел и тяжкою клятвою свою невинность утверждал. *Колико тайно он людей погубил украдчи, что и доднесь никто не знает, где делись и как украдены*» (курсив мой, — В. К.) (ИР, VI, стр. 385).

⁴⁶ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 215.

⁴⁷ Временник Ивана Тимофеева, стр. 26; РИБ, т. XIII, стлб. 787—789. Псковский летописец обвиняет в отравлении Федора Ивановича Екатерину Шуйскую, которой впоследствии вменяли и отравление М. В. Скопина.

Составитель же Нового летописца обвинения Бельского в отравлении Ивана Грозного и Федора Ивановича, сохранившиеся в Истории Иосифа, опустил, однако следы их сохранились в главе 9 «О приходе черни в город и о Богдане Вельском»: восставшие требовали выдачи Богдана Бельского, ибо, по их словам, «он хочет известить царский корень и боярские роды» (НЛ, стр. 35).

Вопрос о «пресечении царского корепя», в чем Иосиф усматривал одну из главных причин «разорения русского», глубоко его интересовал. В Латухинской степенной помещен отрывок из летописи Иосифа, свидетельствующий о том, что он подробно описал гибель царевича Ивана Ивановича от рук Грозного (ЛС, л. 825—825 об.).

К летописи Иосифа надо отнести и повествование о гибели в Угличе царевича Дмитрия, наиболее подробно сохраненное составителем Нового летописца (НЛ, гл. 25, стр. 40—42). Принадлежность этого повествования Иосифу устанавливается не только нахождением его в одном ряду с другими известиями об «изведении» Борисом Годуновым «царского корени», но и наличием поразительной переклички эпизода с перемпой Годуновым писем угличан к царю Федору Ивановичу с встречающимся только в Латухинской степенной рассказом о перемпе Годуновым «перемирных грамот» у польского посла Льва Сапегы, который в числе других уникальных известий был заимствован Тихоном Желтоводским у Иосифа (ЛС, л. 892 об.—893).

Сопоставление Нового летописца, Латухинской степенной и Выписки позволяет выделить некоторые дополнительные штрихи, присутствовавшие в летописи Иосифа. Если в Новом летописце относительно Г. В. Годунова, отказавшегося поддержать свою родню в вопросе об убийстве царевича Дмитрия, сказано просто — «един же от них Годунов Григорей Васильевич» (НЛ, стр. 40), то в Латухинской степенной указано, что он был «боярином и дворецким» (ЛС, л. 896), что соответствует действительности.⁴⁸

Согласно Латухинской степенной, Владимир Загряжский и Никифор Чепчугов, которым первоначально было поручено убить царевича, были в родстве с Андреем Клешиным («Они бо племянники быша Андрею Клешипу») (л. 896 об.). В Углич для следствия царь Федор Иванович посылает боярина В. И. Шуйского — «сродника своего» (л. 898 об.).

Постоянные указания на родство — характерная черта летописи Иосифа. Проявляется и другая присущая Иосифу особенность, отмеченная нами ранее: глубокая вера в неизбежность кары за совершенные преступления уже здесь, на земле. Убийцы царевича Дмитрия не смогли убежать (хотя и пытались поки-

⁴⁸ О достоверности сообщаемых здесь Иосифом сведений см.: В. И. Корецкий и А. А. Станиславский. Американский историк о Лжедмитрии I. История СССР, 1969, № 2, стр. 241—242.

нуть Углич): «кровь же праведного вопиаше к Богу, не попусти их; они же окаяннии возвратишася назад. Граждане же и тех побиша камнем и всех их окаянных побиша двадцать человек...» (НЛ, стр. 41—42). С подобной же ситуацией встречаемся мы и при рассказе о покушении на Д. М. Пожарского (НЛ, стр. 121).

В Новом летописце у гроба царевича плачет, «помянув свое согрешение», князь Василий Шуйский (НЛ, стр. 42), в Латухинской степенной, в соответствии с действительностью, организатор убийства — Андрей Клещнин. Составитель Нового летописца неправильно понял Иосифа и искажил текст.

Хотя рассказ Татищева по сравнению с Новым летописцем и Латухинской степенной очень краток, однако у него сохранилось свидетельство коварства Годунова, которое, как мы видели, подчеркивал Иосиф. Получив известие о гибели царевича, Годунов, согласно Выписке, «закрывая свое воровство, с великою печалию довес государю и советовал о том разыскивать» (ИР, VI, стр. 284).

С гибелью царевича Дмитрия оказывается связанной судьба Симеона Бекбулатовича. В Новом летописце есть глава 48 («О царе Симеоне»), в которой рассказывается, как «по убийнии же царевича Дмитрия царь Семнон Бекбулатович» был сведен с Тверского удела в село Кушалино и ослеплен там пропсками Бориса Годунова. О причинах же гонений сказано туманно: «той же враг вложи Борису в сердце и от него быти ужасу» (НЛ, стр. 47). В Латухинской степенной бедствия Семюна Бекбулатовича объясняются тем, что «в то же время Борис Годунов мнением на него победився, бояся его ради смятению быти» (л. 909). Только в Выписке причины гонений указаны конкретно. Борис прибег к ним, «слыша, что он (Симеон Бекбулатович, — В. К.) по царевиче Дмитрии скорбел и часто с сожалением упоминал, опасаясь, чтоб он ему впредь не помешал» (ИР, VI, стр. 286). Сказанное в Выписке заставляет вспомнить главу 32 Нового летописца «О речах на царя Бориса и о неповинной крови», в которой сообщается об обвинении его в убийстве царевича простыми людьми «на украйнах» в 1591—1592 гг. и о жестоком погроме, учиненном за то во «всей украине» по повелению Годунова. Составитель Нового летописца оторвал главы 32 и 48 от главы 25, повествующей об убийстве царевича, а в заголовке главы 32 неправильно назвал Годунова «царем».

Таким образом, в своей летописи Иосиф подробно рассказывал не только об убийстве царевича Дмитрия, но и о реакции на него в различных слоях русского общества и ответных репрессиях со стороны Бориса Годунова.

Помимо «изведения царского корня», важной темой для Иосифа являлось истребление Годуновым «княжеских и боярских родов», борьба за власть в феодальных верхах. Насколько эти темы у него переплетались, можно судить по помещенному в на-

чале Выписки рассказу о восстании в Москве в 1584 г., вспыхнувшем после смерти Грозного. К нему ведет нас рассмотренное выше известие Иосифа об исповеди Б. Я. Бельского, на которой он признался своему духовнику в умерщвлении царей Ивана Васильевича и Федора Ивановича. В Выписке сказано, что в 1584 г. в Москве «черпью» и служилыми людьми предводительствовали «резацы Ляпуновы и Кикины, сказуя, якобы бояре Богдан Вельской, ближней свойственник Годунова, извел царя Иоанна Васильевича и хочет умертвити царя Федора» (ИР, VI, стр. 281). Ближний текст имеется в Новом летописце: «Того же лета ненавидя враг добра роду христианского, хотя привести в последнюю пагубу, вложи в человецы мысль такую, что будто Богдан Вельской [со] своими советники извел царя Ивана Васильевича, а ныне хочет бояр побити и хочет подыскати под царем Феодором Ивановичем царства Московского своему советнику...» (НЛ, гл. 9, стр. 35).

Привлекает внимание, что в Новом летописце говорится о действиях Богдана Вельского «[со] своими советники», ниже же речь идет об одном советнике без указания его имени. Хотя нигде в Новом летописце не упоминается о «совете» Вельского с Борисом и его заинтересованности в перевороте, в конце этой главы в Новом летописце сообщается о мести Бориса Ляпуновым, Кикиным и другим участникам движения. Эта связь устранена у В. И. Татищева припиской о Богдане Вельском: «ближний свойственник Годунова». В Новом летописце сказано неопределенно о том, что Вельский «хочет подыскати под царем Феодором Ивановичем царства Московского своему советнику», Татищев же прямо пишет о его намерении «умертвити царя Федора». Явились ли эти расхождения результатом осмысления текста Нового летописца В. Н. Татищевым или же они имели основанием Историю Иосифа?

Относительно первого из них можно заключить, что Татищев почерпнул его оттуда. Дело в том, что в Латухинской степенной имя советника, которому хотел добыть Московское царство Вельский, сохранено — это Борис Годунов (ЛС, л. 873). Сначала Татищев вслед за известием о мести Бориса Ляпуновым и Кикиным пояснил, но затем зачеркнул: «ибо Вельский свояк был Годунову» (ИР, VI, стр. 384, прим. 7—7), решив характеризовать отношения между ними выше, назвав в приписке Вельского «ближайшим свойственником Годунова». Тем самым он воспроизвел тот ход мысли, который был свойствен летописи Иосифа, указывавшей на связь Вельского с Борисом уже в момент кончины Грозного. Объяснение второго расхождения, по-видимому, также надо искать в обращении Татищева к летописи Иосифа. Конечно, можно предположить, что он «подыскание царства» Вельским «под царем Феодором Ивановичем» расценил как попытку его «умертвления». Но все-таки мне представляется более вероятным рассматривать это расхождение как

результат редакторской деятельности составителя Нового летописца, изгнавшего версию Иосифа об отравлении Ивана IV и Федора. Делал он это недостаточно умело, ибо следы этой версии все же сохранились. Согласно Новому летописцу, составившие кричали: «выдай нам Богдана Бельского! Он хочет извест царской корень и боярские роды».

Тихон Желтоводский сохранил такую важную подробность, как указание на главенствующую роль в московских событиях 1584 г. Шуйских. «Начальницы же глаголют тому *по заводу Шуйских бояр* (курсив мой, — В. К.) были рязанцы Ляпунов и Кикины и иных городов дети боярские» (ЛС, л. 873 об.). Как уже не раз отмечалось, Иосиф проявляет особый интерес к Шуйским.

Согласно Выписке, Борис Годунов после смерти Никиты Романовича возобладал в Боярской думе: «преодоле всех верных государю бояр, что никто никакой правды государю доносить не смел» (ИР, VI, стр. 282). В Латухинской степенной говорится лишь о смерти Никиты Романовича (ЛС, л. 879 об.). В Новом летописце эти известия отсутствуют, но именно при этом устанавливается связь с последующим рассказом о столкновении Годунова с боярами.

В Выписке описание этого столкновения в основном совпадает с текстом Нового летописца. Однако в ней имеются важные особенности, заставляющие думать, что Татищев следовал летописи Иосифа. Глава 11 «О розни и недружбе боярской» Нового летописца предельно лаконична и передает только суть событий — разделение бояр на две партии — Годуновых и «иных бояр и дьяков и думных и служивых многих людей», с одной стороны, и кн. И. Ф. Мстиславского, Шуйских, Воротыньских, Головиных, Колычевых, к которым пристали «иные служилые люди и чернь московская», — с другой, в результате столкновения которых победили Годуновы.

В отличие от Нового летописца в Выписке приведены мотивы, заставившие бояр выступить против Бориса Годунова: «Боляре, видя Годунова лукавые и злые поступки, что определенным от царя Иоанна бояром власть всю отнял и сам все без совета делал... стали государю явно доносить, что Годунова поступки *во вред и к разорению государства*» (курсив мой, — В. К.) (ИР, VI, стр. 282). Итак, бояр побудили к борьбе узурпаторские замашки Годунова, оттеснившего на задний план других членов регентского совета при Федоре, установленного завещанием Грозного. Новостью у Татищева являются и сообщения о подкупе Годуновым стрельцов и о «поимании» кн. И. Ф. Мстиславского «тайно».

Очень важна отмеченная в Выписке общественная реакция на репрессии правителя против кн. И. Ф. Мстиславского и его сторонников. Одни из представителей правящих слоев открыто радовались устранению политических конкурентов, другие, «хотя

сердечно соболезновали», но, видя силу на стороне Годунова, открыто выражать свое недовольство не решались. «И тем как оные, так и сии все *самих себя и все государство в крайнее разорение привели*» (курсив мой, — В. К.) (ИР, VI, стр. 282).

Выше уже говорилось о тех причинах, которые, по мнению Иосифа, привели к «разорению государства». Теперь к «изведению» Годуновым «царского корени» и знатнейших боярских родов прибавляется еще одна — активное или молчаливое поощрение его на этом пути феодальными верхами. Составитель Нового летописца эту критику Иосифа по адресу правящих слоев, которые своими распрями и молчаливым попустительством беззакониям подготовили последующее «разорение государства», как правило, устраняет. Однако в сфере внешних сношений этот характерный для Иосифа оборот им был сохранен: прибывшие в 1600 г. в русскую столицу польские послы «держажу рець велию па Москве на Московское государство, яко же и соделася *впредь над Московским государством разорения от них*» (курсив мой, — В. К.) (НЛ, стр. 55).

Колоритные подробности, почерпнутые из летописи Иосифа, приведены в 6-й главе Латухинской степенной «О мятеже между бояр московских». Здесь говорится о первоначальной дружбе кн. И. Ф. Мстиславского с Борисом Годуновым, когда «назва князь Иван Бориса сыном, а Борис его назва себе отцом» (ЛС, л. 879 об.). Шуйские и Воротыцские выставлены подлинными руководителями выступления, принудившими пристать к нему осторожного Мстиславского. Последний долго не соглашался «извести» Бориса, но в конце концов решил «в дому своем пир сотворити, и Бориса, призвав, тогда его и убити». Советники Годунова допесли об этом правителю, и тот «нача изберегатися и невредим от них бысть» (ЛС, л. 880 об.). Тихону Желтоводскому здесь принадлежат, пожалуй, лишь рифмы.

Составитель Нового летописца и В. Н. Татищев эти яркие детали опустили. Зато в Выписке и в Новом летописце в числе бояр, выступавших против Годунова, названы Колычевы, отсутствующие в Латухинской степенной, и вместо Голицыных Латухинской степенной — правильно Головины.

Характеризуя Михаила Головина как «человека острого ума и война», Татищев, очевидно, основывался на летописи Иосифа, но такие выражения, как «шляхетство и купечество», «забыв вред отечества и свою должность», несомненно принадлежат самому историку.

Сравнение той части Выписки, где говорится о гонениях на Романовых, с Новым летописцем вскрывает как общие черты, так и существенные отличия. Прежде всего под подозрение, согласно Выписке, попали не только Романовы, как это следует из Нового летописца, но и Шуйские, поставленные даже на первое место: «Царь Борис, будучи яко хищник престола рускаго, всегда опасался, чтоб его с престола не ссадили и другаго не

выбрали, начал тайно выведывать, что где про него говорят, *наипаче же опасался Шуйских и Романовых*» (курсив мой, — В. К.) (ИР, VI, стр. 288).

В Латухинской степенной причина гонений на Романовых указана в полном соответствии с тем, как объяснял Иосиф гибель датского королевича Иоганна: «Царь Борис паче всего устремлялся перевести царский род Федора Никитича с братьями, дабы царству его по нем сын его был, а не от тех Романовых» (ЛС, л. 922 об.). По-видимому, Иосиф причину гонений на Романовых видел не столько в боязни Бориса за себя, сколько за своего будущего наследника, тогда как Татищев сделал упор в своем изложении на стремлении самого Бориса удержаться на престоле. Однако фамилия Шуйских не была привнесена Татищевым, исходя из его собственных представлений. В этом убеждает приписка, сделанная Татищевым, о том, что часть холопов, из подвергшихся допросам, оставалась верной господам. Эти холопы на «невинность господ своих утверждали, в котором наиболее служители Шуйских и Романовых себя показали» (ИР, VI, стр. 288). Как показано выше на основании описи Посольского приказа 1626 г., к следствию в 1600 г. были привлечены и Шуйские, которые тогда, по-видимому, отделались только испугом. Борис решил ограничиться разгромом романовской партии. Праромановский летописец сократил известие Иосифа о враждебной Годунову позиции других бояр, в том числе и Романовых, во время избирательной борьбы в 1598 г., выделив одних Шуйских, и удалил упоминания о Шуйских из описания дела 1600 г., сделав упор на Романовых и близких к ним боярских родах, чтобы представить эту фамилию далекой от борьбы за власть, стоящей особняком от других боярских фамилий и вполне достойной не только мученического, но и царского венца. Однако он выдал себя указанием на то, что Шуйские, выступавшие в 1598 г. против Годунова, «от него потом многие беды и скорби и тесноты прияша» (НЛ, стр. 50). Надо думать, у Иосифа приводились и другие примеры неприязни царя Бориса к Шуйским, помимо сохраненных Татищевым.

Составитель Нового летописца полностью перечислил имена тех служилых людей, которые сопровождали Романовых в ссылку и были повинны в умерщвлении некоторых из них (Леонтия Лодыженского, Романа Тушина, Смирного Маматова и др.). В Выписке же назван один Леонтий Лодыженский. Но зато в ней приведены подробности о прокормлении обреченных на голодную смерть Романовых местными крестьянами: «Сии крестьяня, и что Ивана Никитича в Сибири спасли, доднесь никаких податей наследники их не платят» (ИР, VI, стр. 289). В Новом летописце эти известия отсутствуют. Спасение же Ивана Никитича объяснено тем, что «бог же видя его правду и душу его укрепил» (НЛ, стр. 54). В тех же словах говорится и о спасении других Романовых.

В. Н. Татищев в бытность свою на Урале мог слышать рассказы о прокормлении крестьянами Романовых. Ведь слышал же их В. Берх в начале XIX в. Однако указание на то, что за это последники их «доднесь» никаких податей не платят, относится скорее к Иосифу, писавшему в царствование Михаила Федоровича, чем к В. Н. Татищеву, ибо так продолжалось лишь до первой ревизии (1720 г.).⁴⁹ Татищев же составлял свою Выписку позднее.

Сохранив известия о мужиках Иосифа, В. Н. Татищев опустил отдающий чудом рассказ о том, как «над гробом» Михаила Никитича Романова «выросли два дерева, именуется кедр: едино древо в головах, а другое в ногах» (НЛ, стр. 54).

Наблюдаются расхождения между Выпиской и Новым летописцем и в географических названиях. В Новом летописце Александр Никитич ссылается «к Студеному морю, к Усолю, рекомая Луда», в Выписке — «в Поморье Кольское, село Луду»; соответственно Михаил Никитич — «в Пермь Великую» (НЛ, стр. 54), в Выписке — «в Пермь, от Чердыни 7-мь верст» (ИР, VI, стр. 289). Скорее всего здесь мы имеем дело с применением В. Н. Татищевым своих географических познаний.

Показательна участь Смирного Маматова, удушившего в Пелыме Василия Никитича Романова. В неудачном для русских бою в Тарках он в числе других военачальников был взят в плен турками и принял магометанскую веру («обусурманился»). Затем при каких-то не совсем ясных обстоятельствах (текст Иосифа при сокращении составителем Нового летописца здесь пострадал) его обдали «невтию» и сожгли: «Тут окаянный скончася» (НЛ, стр. 57—58). «Окаянными» названы и убийцы царевича Дмитрия, также попавшие заслуженную кару (НЛ, стр. 41). В Карамзинском хронографе, где подробно излагаются военные действия на Северном Кавказе и упоминается Смирной Маматов, о его дальнейшей судьбе — пленении, «обусурманивании» и трагическом конце — не сказано ни слова.⁵⁰

Некоторые новые моменты по сравнению с Выпиской и Новым летописцем содержит Латухинская степенная. Так, из Нового летописца неясно, кому доводил на своего господина человек князя Федора Шестунова (в Новом летописце назван ошибочно Шерстуновым) Воинко. В Латухинской степенной не только правильно передана фамилия князя и приведено его отчество — «Иванович», но и указано, что Воинко допел самому царю: «прииде к царю Борису и оклевета господина своего, яко он царю не доброхотствует. Слышав же сия царь от него (курсив мой, — В. К.) и велел ему, Воинку, пред Челобитенным приказом слово свое милостивое сказати на площади пред многими людьми» (ЛС,

⁴⁹ В. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821, стр. 103.

⁵⁰ А. Попов. Изборник, стр. 322—323.

л. 922 об.). Выделенные курсивом слова отсутствуют в Новом летописце.

В Латухинской степенной холопы Романовых, отказавшиеся клеветать на своих господ, названы «верными рабами» (ЛС, л. 924), но «верным рабом» назван и Василий Шибанов в красочном рассказе, принадлежащем перу Иосифа, о бегстве в Литву кн. А. М. Курбского и о присылке им оттуда своего первого послания Грозному (ЛС, л. 831 об.—832).

Для всех трех рассматриваемых источников характерен сильный разбой в именах и фамилиях тех, кто организовал донос о «волшебных корешках», якобы хранившихся в казне Александра Никитича. В Выписке казначей Второй Бахтеяров кладет пресловутые корешки «по научению *Дмитрия Годупова*» (ИР, VI, стр. 288). В Новом летописце Второй *Бартенев* действует по повелению *Семена* Годунова (НЛ, стр. 53). В Латухинской степенной Второй (фамилия его опущена) обращается с предложением оклеветать своих господ к *Андрею Клешину*: «Чем мя царь пожалует, и аз хитрость над своими господами учиню» (ЛС, л. 922).

Присутствие Иосифа, келейника патриарха Иова, лица духовного, ощущается в словах о том, что во времена наибольшего поощрения Борисом Годуновым доносов «в царстве бысть велия смута, яко же друг на друга доводяху и попы, и черницы, и пономари, и проскурницы» (НЛ, стр. 52). Напомним, что в повествовании о самозванце, принадлежность которого Иосифу определена выше, *чернец* митрополит ростовский Иона доносит патриарху Иову на *черного дьякона* Григория Отрепьева (НЛ, стр. 59). В этой связи особенно важно приведенное и в Новом летописце, и в Латухинской степенной известие о привозе «волшебных корешков», обнаруженных у Романовых, «на двор к патриарху Иову». Окольныйчій Михаил Салтыков, привезший «корешки», «повеле собрати всех людей (курсив мой, — В. К.) и то корение из мешков повеле выкласти на стол, что будто то корение вынято у Олександра Никитича и тово довотчика Фторово поставиша ту в свидетели. Федора же Никитича з братьею приведоша ту» (НЛ, стр. 53). Среди собравших патриарших людей был и келейник Иова Иосиф, запечатлевший эту драматическую сцену в своей летописи. Ранее в Латухинской степенной говорилось о помещении в 1598 г. избирательной грамоты «на патриаршем дворе в Казенном приказе», что также почерпнуто у Иосифа, свидетеля этой церемонии.

Хотя В. Н. Татищев много у Иосифа, связанное с Иовом и патриаршим двором, опустил, но привел любопытнейший эпизод с исповедью Б. Я. Вельского, характеризующий Иосифа как человека, действительно близкого Иову, которому патриарх поверял важные тайны. Анализ же содержащихся в Выписке оригинальных известий показал, что В. Н. Татищев привлекал летопись Иосифа на всем протяжении Выписки.

Итак, «История Иосифа о разорении русском» представляет собой наиболее глубокое и яркое летописное произведение о «смуте» и ее предпосылках из всех известных ныне. Автор ее, будучи патриаршим келейником, использовал не только разнообразные письменные источники, но и устные рассказы, и воспоминания очевидцев и участников событий, вплоть до доверительных сообщений самого патриарха Иова. Многие события он описывал по собственным наблюдениям. Источники информации определили высокую степень достоверности летописи Иосифа в церковных делах и во всем том, что касалось высших правительственных сфер, где патриарх играл важную роль, но по вопросам, связанным с военной и административной деятельностью, точность его сведений понижается подчас до уровня слухов и толков. Несмотря на отмеченный недостаток, летопись Иосифа является поистине уникальным источником, утрата которого до конца невозможна, если только не удастся разыскать ее новый список.

Высоко оценив Историю Иосифа, В. Н. Татищев, располагавший, кроме того, Новым летописцем и «Сказанием Авраамия Палицына», прибегал к ней на всех стадиях работы над заключительной частью своей «Истории Российской». В «черповой» Выписке, в основу которой был положен Новый летописец, он воспользовался ею главным образом в приписках, позднее зачеркнутых; в Выписке — в основном тексте и в приписках. Наконец, в окончательном тексте мы находим новые факты, конкретизирующие привлеченные В. Н. Татищевым известия из Истории Иосифа на более ранних ступенях работы.

Обращение к летописи Иосифа до В. Н. Татищева составителя Нового летописца и Тихона Желтоводского, а также извлечения из нее самого Татищева, впоследствии зачеркнутые, дают возможность судить о манере работы историка над этим летописным источником. Татищев далек от буквальной передачи летописи Иосифа, может быть, больше, чем какой-либо другой из использованных в «Истории Российской» летописей. Там у него были копии, куски из которых он просто вставлял в подготовлявшийся текст, кое-что редактируя; здесь же он имел дело с рукописью, почитавшейся драгоценной, любимой, всегда паходившейся под рукой, к которой он неоднократно обращался и с содержанием которой освоился настолько, что мог свободно привлекать ее в самых различных своих сочинениях, включая и другие части «Истории Российской». Поэтому, следуя в Выписке Иосифу, Татищев излагал летопись своими словами, модернизировал текст, приближая его к языку XVIII в.

Перефразируя известные слова А. С. Пушкина о Н. М. Карамзине, можно сказать, что В. Н. Татищев был «нашим последним летописцем и первым историком». У Татищева летописец чувствуется еще в приемах работы — механическая сводка материалов, вплоть до дубляжа, простое указание на наличие двух или

нескольких версий, без попыток определить их достоверность и т. д. В стремлении же прояснить причины и последовательность событий, внести начатки научной критики, особенно заметные в комментариях к законодательным памятникам, приблизить источник к своему читателю проявляется уже историк. Но, перелагая летопись Иосифа своими словами, прослеживая причины и следствия, делая подчас свои умозаключения, Татищев, как это удастся проверить современными актовыми, делопроизводственными и другими материалами, факты не выдумывал, а черпал их целиком из своего источника.

Параллельное изучение Выписки и Нового летописца приводит к выводу, что еще до Тихона Желтоводского в XVII в. его составитель воспользовался летописью Иосифа. С. Ф. Платонов отметил наличие в Новом летописце двух ясно очерченных типов повествований: «повествований литературно обработанных» и «записей летописного характера», причем в первых он склонен был видеть «отдельные сказания».⁵¹ Но причину этой двойственности он так и не объяснил. Теперь, наконец, мы ее можем установить. «Литературно обработанные повествования» — это не что иное, как пространные заимствования из летописи Иосифа, тогда как «записи летописного характера» представляют собой либо предельно сокращенные известия той же летописи, либо извлечения из одного или нескольких кратких летописцев. Становится понятным, почему В. Н. Татищев, располагая летописью Иосифа, не отстрашил Новый летописец, где шире охват событий. Но когда речь шла о глубине, о проникновении в самую суть происшедшего, В. Н. Татищев отдавал решительное предпочтение Истории Иосифа.

---

⁵¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века. СПб., 1913, стр. 332—333.